

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Михайлова, Евгения.

М69 Отпущение без грехов : [сборник рассказов] / Евгения Михайлова. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Де-тектив-событие).

ISBN 978-5-04-108509-4

Настя и Таня были очень разными, но все равно оказались лучшими подругами, пока между ними не встал общий сценарий, написанный по личным мотивам каждой из них...

Антонина была очень неприятным человеком, и когда она попала в самую настоящую беду, к ней на помощь пришла лишь случайная знакомая Надя, и то ради ее собаки...

Катю предали, обвинили в чудовищном преступлении, и только маленький ребенок, избалованный мальчик Петя, знает правду...

Как выжить в мире, где творятся ужасные вещи, поселилась подлость и несправедливость, как остаться хорошим человеком и не потерять себя? Об этом остросюжетные рассказы Евгении Михайловой.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108509-4

© Михайлова Е., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все персонажи и события вымышленные. Совпадения с реальными фактами случайны...

СОАВТОР

Двух, в такой степени разных, даже противоположных во всех проявлениях людей странно даже видеть рядом. Понять их дружбу просто невозможно. Но это произошло. Настя Волошина, автор и ведущая передачи «Взрослым о детях», и Татьяна Сизова, менеджер редакции по привлечению рекламы, вдруг стали подругами.

Лицо Насти как следует можно было рассмотреть только на экране. Нежное, с очень большими глазами, с прозрачной кожей, робкой улыбкой скромницы и отличницы, это лицо в какой-то момент зажигалось от точного и страстного слова, от несгибаемой мысли, от позиции бойца, для которого победа важнее жизни.

Настя боролась за права детей. Это было ее миссией, профессией, ее досугом и хобби. Все остальное имело для нее подчиненное и условное значение. Выходя из кадра, из студии, она сразу старалась стать незаметной, невидимой. Смывала грим, стягивала волосы резинкой

Евгения Михайлова

на затылке, закрывала огромными очками глаза и половину лица. Она была близорука, ее роговица и тонкая кожа страдали от света софитов. Ее слух резали громкие звуки, ей мешали работать смех и пустая болтовня. Ее маленькую, стройную фигурку редко видели в коридоре, в буфет Настя забегала буквально на минуты. А в своем крошечном кабинете она сидела допоздна. Собира-ла материал, выстраивала линии расследования, шла по следу тех, кого записывала в стан врагов детства, покоя, безмятежности и свободы. Все знали, что отрывать ее от работы бесполезно. Она не тратила время на обычные разговоры даже ради общения. Настя никогда не делала вид, что ей что-то интересно, если это было не так.

Таня Сизова появлялась в коридорах редакции сразу, как яркое полуденное солнце. В разных местах звучал ее звонкий, мелодичный, радостный голос, переливался ее неповторимый смех. Любой, кто встречал Таню, не сомневался в том, что именно с ним она и хотела погово-рить, поделиться всем тем ворохом новостей, которые привозила из разных мест вместе с рекламой.

Таня была приятна всем. Ее блестящие карие глаза сияли на круглом лице с ярким, как будто нарисованным румянцем. Губы всегда открыты в прелестной улыбке, которая в любой момент готова взорвать заразительным

ОТПУЩЕНИЕ БЕЗ ГРЕХОВ

хохотом. Тане не нужна была косметика, а вот одежду она всегда выбирала тщательно, изучала самые модные каталоги, ходила на выставки лучших дизайнеров. И если она выбирала для себя модельера, тот тут же становился ее лучшим другом или подругой. Это был формат отношений Тани с другими людьми. Наверное, именно поэтому любая одежда не просто хорошо сидела на Таниной крупной, даже полноватой фигуре. Одежда любовно обнимала ее тело, подчеркивала броское обаяние лица. Это была не красота, это было то, что людям нравится больше красоты.

Друг с другом Настя и Таня в лучшем случае здоровались. До одного, неудачного для Насти, дня.

В тот день главный редактор принимал очередную Настину передачу. Это был результат тяжелой, напряженной работы.

Группа неделю работала в небольшом провинциальном городе, где несколько школьников при полной поддержке своих родителей и частично учителей устроили травлю мальчику с аутизмом. У этих людей нашлась поддержка в администрации города.

Как заявил один чиновник, «больные должны учиться в своих учреждениях, а не с нормальными детьми».

Телевизионщики жили в единственной гостинице, в которой не было даже горячей воды.

Евгения Михайлова

Силы казались настолько неравными, что никто не представлял себе, как можно выбраться из потока вздорных, агрессивных выяснений, которые начинались задолго до съемки и не заканчивались, когда камеры выключались.

Людьми — взрослыми и подростками — овладел азарт толпы и победы. Они были вместе, им нужно было только добить жертву, и пусть их подвиг увидят все по телевизору.

Настя не спала, не ела. И просила операторов все писать, брать крупные планы, сама почти никого не перебивала. Даже редактор Светлана не понимала, есть ли у нее идея. Перед записью последних интервью с отобранными Настей «активистами», с мальчиком Толей, тоненьким, задумчивым и немного отстраненным, его родителями, раздавленными несчастьем, женщинам в гостинице с трудом удалось помыть головы. В довершение всего Настя задела рукавом светлой блузки дверь школы, только покрашенную в темно-зеленый цвет. Пришлось ее выбросить, она влезла в ту темную толстовку, в которой приехала. В ней и снималась.

Она осторожно, не сбивая ничей запал, повела свою линию. Они и не поняли, что уже стали оппонентами, когда она сломала весь их наглый и ущербный фронт, якобы силы перед якобы слабостью. А потом уничтожила сам

ОТПУЩЕНИЕ БЕЗ ГРЕХОВ

факт человеческой состоятельности тех, кто силой вынужден доказывать свою полноценность. Это требуется в одном случае: когда о состоятельности нет и речи. Когда о человеке нет и речи. Есть только мотив подмены.

— Мне жалко, что я с вами познакомилась, — сказала Настя. — Я теперь буду хуже относиться ко всем людям. Мне жаль вас: вы можете никогда не стать людьми. Но есть одна надежда — это живая и пока не разбуженная совесть. Попробуйте прислушаться к ней — каждый в одиночестве, не в толпе. Попробуйте представить себе, что эта же толпа завтра поймает вас в момент беды. К сожалению, так и будет.

После записи они посмотрели крупные планы — у них все было! Агрессивные, полубезумные лица, затем те же — уже озадаченные, захваченные врасплох. Во взглядах растерянность и даже страх, как всегда бывает с теми, кто внезапно видит себя со стороны глазами человека, разоблачившего их тайну ущербности. Спокойное и печальное лицо мальчика Толи, которому никакие победы не были нужны. Большие глаза Насти: в них было презрение, когда она произнесла слово «жалко». Да, все получилось. Группа аплодировала автору, Светлана ее обнимала.

А на сдаче главный увидел не все это, а Настину трапезную толстовку. И произнес на ее тему целую речь.

Евгения Михайлова

Настя была его любимицей, но то ли он был не в духе, то ли на самом деле так раздосадовала эта кофта, но он сказал:

— Я бы зарубил передачу. Просто понимаю, что пере-
снять уже не получится. Но на будущее...

Впрочем, он поставил ее материал на ближайшее луч-
шее время, назначил повторы. Но ни слова о сути.

Настя выскочила из кабинета, прибежала в туалет и там долго рыдала от обиды и усталости. Когда она умы-
валась под краном, кто-то ласково сжал ее плечо. Это была Таня Сизова. Теплые карие глаза, нежная, сочув-
ственная улыбка, голос, который коснулся Настиного сердца:

— Я слышала, что наш Циклоп опять выступил сегодня. Расскажи мне, в чем дело.

«Циклоп» — было прозвище главного из-за дефекта одного глаза.

И Настя вдруг начала рассказывать. Все: о мальчи-
ке Толе, о тупых преследователях, о голове, вымытой холодной водой, блузке в краске, чертовой толстовке, из-за которой все чуть не пропало. Она продолжала в машине Тани, потом в красивой уютной квартире. Появилась мама, до смешного похожая на Таню, расставила им на столе вкусные вещи, наговорила приятных слов о Настиных передачах. Так неожиданно хорошо закончил-

ОТПУЩЕНИЕ БЕЗ ГРЕХОВ

ся трудный для Насти день. А следующий день уже стал качественно другим: в нем появилась Таня, сразу в ранге самой близкой подруги. Это оказалось так просто: у Насти не было вообще никаких подруг.

Таня влетела теплым ветром в ее кабинет. В руках у нее был букетик подснежников.

— Привет, Настена. Там восторг, а не погода. У тебя есть кофеварка? Я пирожные привезла из одной очень модной и стильной лавки. Там все повара и кондитеры из Италии. По-русски ни бум-бум. Но меня понимают, хотя я не знаю итальянского. Эти пирожные из клубники, которая вчера еще была на грядках под Римом, со сметаной, которая позавчера была молоком в корове.

Настя сначала растерялась: в это время она впадала в работу и никто не решался ее отвлекать. Потом рассмеялась.

Таня сварила кофе, пирожные оказались сбывшейся мечтой. А легкий женский разговор посреди жестокого рабочего ритма вдруг показался Насте слаще пирожных.

— Слушай, Настя, — вдруг серьезно сказала Таня. — Я о Циклопе. Посмотрела твою передачу. Это блеск, ты прекрасна, убедительна, но кофта — это что-то страшное. Без обид. Это мне обидно: у тебя такое прелестное лицо, такая хорошая фигура, но как ты одета? Куда смотрят бабы из твоей группы? Короче, жди. Я к вече-

Евгения Михайлова

ру привезу кое-что, мы прямо тут и выберем. Тебе понравится — я ручаюсь. Я вообще почти не ошибаюсь. По деньгам разберемся, это люди, которые могут ждать. Мои друзья и настоящие дизайнеры.

Как-то стремительно у Насти поменялся гардероб, появилась новая дорогая косметика. Во время сдачи одной из передач Циклоп вдруг произнес:

— Что-то случилось у нас с Волошиной. Влюбилась, что ли. Смотрится как американская звезда, даже не французская.

А Таня продолжала раздвигать строго ограниченный круг Настиной жизни.

— Ты любишь кино? — однажды спросила она.

— Конечно. Но сто лет ничего не смотрела. То, что показывают по телевизору, кажется ужасным, в кинотеатр не поеду, да и не знаю, что сейчас смотреть. Не слежу.

— Я слежу, — сказала Таня. — Более того, я знаю эту кухню до мелочей. Как одни и те же наглые, бездарные дельцы захватили бюджет кино, всех опутали связями с чиновниками от культуры, которые в доле. Короче, талантливые режиссеры не пропали, иногда им даже удается что-то снять, но в этом случае им с легкостью перекрывают прокатную судьбу. Это люди, которые ничего не покупают. Газеты в том числе. У меня к тебе предложение. Давай съездим на один закрытый просмотр. Режиссер —

ОТПУЩЕНИЕ БЕЗ ГРЕХОВ

гений. Они все против него. Картину еще никто не видел, а все продажные критики уже написали провальные рецензии. Я просто хочу, чтобы ты посмотрела: у тебя такое чутье. Если понравится, может, сама захочешь написать небольшую рецензию. У тебя имя, дадим в хорошей газете с фото. У тебя такой удивительный, прекрасный стиль. Это будет необычно: ты никак не связана с кодлой заказных критиков. Вроде бы просто зритель, но какой...

— Давай посмотрим, — задумчиво сказала Настя.

Таня изложила именно ее схему участия. Несправедливость, круговая порука, травля таланта.

К тому же в личной жизни Насти появилась такая жгучая тайна, с которой ей все труднее оставаться одной, особенно по вечерам и ночам. И лавина новых эмоций требует выхода из детской тематики ее работы. Об этой тайне не знает даже Таня.

И вечером они приехали в небольшой просмотровый зал «Мосфильма», куда пропускали по списку зрителей, в основном критиков. Некоторых Настя знала в лицо и по фамилиям.

Таня шепнула: «Они все из разных колод, многие приехали, чтобы топить Валеру».

Режиссер Валерий Игнатъев оказался довольно красивым и мрачным человеком с холодным, подозрительным взглядом узких темных глаз.